

ЗНАМЕНИТЫЙ КОМПОЗИТОР РАССКАЗАЛ, КАК ПРИДУМАЛ «ГРЕМУЧУЮ СМЕСЬ СТИЛЕЙ» И ПОЧЕМУ НИКОГДА НЕ ХОТЕЛ ЭМИГРИРОВАТЬ

Его музыка звучит более чем в ста кинофильмах, а среди них: «Остров сокровищ», «Приключения Буратино», «Шла собака по роялю», «Вам и не снилось», «Тот самый Мюнхгаузен»... И знаменитую «Мальчишки и девочки, а также их родители...» к «Ералашу» написал он. И легендарные рок-оперы «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» и «Юнона» и «Авось» — его. А еще (или даже в первую очередь, это уж кому как) Алексей Рыбников — автор шести серьезных симфоний, сонат, фуг, сюит, концертов для фортепиано, хоровых концертов etc.

Не так давно в Большом зале Петербургской филармонии на Международном фестивале «Академия православной музыки в рамках Пятого сезона Великостепных концертов» прошел авторский вечер композитора. А вчера на сцене ДК им. И. И. Газа, как всегда с успехом, вновь показали «Юнону» и «Авось» Театра Алексея Рыбникова.

**Алексей
РЫБНИКОВ:**

В американской глубинке ничего не напишешь

РОК СТАЛ НОВЫМ МУЗЫКАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ

— Алексей Львович, ваша творческая жизнь складывалась как нельзя лучше: вундеркинд, в 11 лет написавший балет «Кот в сапогах», Центральная музыкальная школа, Консерватория, поддержка Арама Ильича Хачатуряна, всеобщее признание таланта — и вдруг резкий поворот в сторону рок-музыки...

— Поворот отнюдь не резкий. Рок-музыка возникла, когда мне было лет 13 — 14. Она была рассцогана на тинейджеров. То есть на меня. Естественно, и воспринята была мною, как и всеми чуткими к музыке людьми. Но вначале-то рок возник как развлекательная, танцевальная музыка, а когда я начал заниматься и увлекаться им по-настоящему, в 1970-е годы, превратился в очень глубокую, философскую. Пример: композиции группы «Пинк Флойд», других известных западных групп. Рок был новым музыкальным языком. А я от природы человек очень любопытный и подумал: не поговорить ли и мне этим музыкальным языком? Меня рок также заинтересовал необычайной мощью. При помощи электроусиления достигался уровень громкости звука, который позволял воздействовать одновременно на огромное количество людей. Это был эксперимент в чистом виде. Меня он очень увлек. Сейчас, по прошествии десятилетий, нам легко говорить, что рок-музыка — вот это, вот это. А тогда были первые открытия, первые шаги. Кроме того, к року меня подвиг полный тупик, в который зашла авангардная симфоническая музыка. Я вдруг понял: либо я пойду в общем русле, в мейнстриме симфонической музыки того времени и должен буду повторять музыкальный язык авангарда начала XX века (это мне казалось странным: зачем повторять, если можно найти что-то новое?), либо окунуться в совершенно новую стихию — стихию рок-музыки. Кстати, и в «Хоакине Мурьете», и особенно в «Юноне» и

«Авось» рок-музыку я сочетал с академической, духовной. Как пресса всего мира писала: «Юнона» — это гремучая смесь различных музыкальных стилей». Что, конечно же, было очень лестно.

— Рок принято считать музыкой протеста. Вас трудно причислить к диссидентам, к врагам советской власти...

— Это глубочайшая тайна, которую я скоро раскрою: в книжке воспоминаний я расскажу о моих взаимоотношениях с советской властью, кто кому был врагом. Думаю, на будущий год, к моему юбилею, выйдет книга и читатели всё узнают.

— Хронологический охват — вся жизнь?

— Нет, это история, рассказанная про определенный отрезок времени, от 1980 до 1998 года, но будут вкрапления и из прошлого, и из будущего — воспоминания о детстве, о консерватории, о моей работе в Театре на Таганке и так далее, и так далее.

— Миссия художника (в широком смысле слова) в том, чтобы выражать проблемы и боль своего народа. А в России почти всегда такие события происходят, что — извините, если прозвучит цинично — лучшей пищи для творчества и не придумаешь.

СЛУЧИЛАСЬ МИКРОВОЙНА С РЕЖИМОМ

— Расскажите о судебном разбирательстве с Минкультом по поводу запретов «Юноны»? Или это байка, что молодой композитор Алексей Рыбников подал в суд на Министерство культуры?

— Это не байка. Суд был. Об этом у меня тоже написано. С такими подробностями, которые нигде никогда не упоминались. Мое столкновение с Министерством культуры вылилось в микровойну с режимом, в которой были и моральное

давление, и психологическое, и разведка, и военные действия.

— Даже сейчас трудно себе представить молодого человека, подающего в суд на министерство...

— ...а тем более выигравшего дело! Моя книга по жанру — мужской детектив, и мне бы не хотелось сейчас раскрывать фабулу. Представьте себе: вы у автора детектива спрашиваете, кто убийца. «Убийца — дворецкий». Ну и кто будет читать этот детектив?! Я понимаю ваш интерес. Помните, Эльдар Рязанов говорил: приятно себя чувствовать умнее создателя детективного романа?

— И все же... Вас кто-то надоумил написать заявление в суд или вы своим умом до этого дошли — от жизни такой?

— Вот именно — жизнь заставила. Была очень серьезная атака власти на меня, на моих родителей — против отца тоже затеяли судебное разбирательство. И я вынужден был пойти на власть.

— Что говорит о вашем мужестве, и не только гражданском.

— У меня другого выхода не было, иначе раздавили бы.

— А эмиграция?

— Передо мной вопрос эмиграции никогда не стоял. Я прекрасно понимал и понимаю, что композитор, поэт, писатель должен быть со своим народом, что бы лично с ним ни происходило. Даже если народ в концлагере будет загонять в газовую камеру. Другое дело, если тебя, как Солженицына, выдворят из родной страны. Но душой ты все равно останешься здесь. Для художника самое страшное — спокойная, умиротворенная жизнь. Где-нибудь, предположим, в американской глубинке. Там ничего не напишешь.

НА ПЕРВОМ ПЛАНЕ — СЛОВО

— Несколько лет наш питерский рок-музыкант и писатель Владимир

— К року меня подвиг полный тупик, в который зашла авангардная симфоническая музыка. Я вдруг понял: либо я пойду в общем русле, в мейнстриме симфонической музыки того времени и должен буду повторять музыкальный язык авангарда начала XX века (это мне казалось странным: зачем повторять, если можно найти что-то новое?), либо окунуться в совершенно новую стихию — стихию рок-музыки.

Рекшан сказал мне, что сделал для себя неожиданное открытие: в России нет рок-музыки, у нас есть рок-поэзия, звучащая под музыку. Вы, композитор, согласны с ним?

— Да, есть некий вид искусства, в котором стихи сочетаются с музыкой. Возьмем для примера творчество Владимира Высоцкого. У Владимира Семеновича на первом плане — слово. Мысль. Но и манера исполнения имеет большое значение. Убедительность зависит от того, как он поет. У Высоцкого на первом месте — стихи, на втором — исполнение, музыка — на третьем. Я не слушаю песни Высоцкого в другом исполнении.

— Марина Влади, по-моему, очень даже неплохо, с душой поет.

— Может быть. И с роком та же история. Был рок, где музыка на первом месте. Иногда вообще без текстов. А есть рок, где слово, послание, с которым автор текста обращается к слушателю, — главное. Музыка только помогает ему в этом. Я всегда различаю: вот здесь, в этом куске моей оперы, главное — музыка; люди должны получать удовольствие от ее красоты. А здесь главное — текст, и я как композитор должен уйти на третий, десятый план и дать возможность тексту лучше сработать. Скажем, при создании «Литургии оглашенных» я четко знал, где и что должно быть главным. И эта очередность не умаляет достоинств того или другого. Просто нужно думать о слушателе, о его восприятии того, что ты до него хочешь донести.

Беседовал Владимир ЖЕЛТОВ
Фото Галины ПОПОВОЙ